

УДК 811.512.1(571)
DOI 10.17223/18137083/53/26

Н. Н. Широбокова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**О смене классификационного типа
(на материале тюркских языков Сибири)**

Классификационные схемы, отражающие динамику распада тюркских языков, различаются в зависимости от материала, на базе которого они строятся. Одной из причин такого различия является то, что в этих схемах отражаются не только дивергентные процессы, что заложено в саму методику построения генеалогического древа, но и результаты более поздних языковых контактов, которые приводят к смене в языках ряда параметров, учитываемых в классификациях, и формируют ряд общих форм для контактных зон. Примером такого влияния языкового смешения на место того или иного языка в классификациях могут служить тюркские языки Сибири и их отношение с киргизским языком.

Ключевые слова: языки Сибири, киргизский язык, языковые контакты, классификация тюркских языков, классификационный признак.

Сибирский тюркоязычный ареал возник в результате перестройки более древнего тюркского ареала. М. А. Бородина сравнивала тюркский ареал с подковообразным ареалом, который наблюдается для романской зоны, где португальский и румынский при всех различиях обнаруживают определенные черты сходства [Бородина, 1983]. Такое же отношение существует между якутским и огузскими языками: находясь в маргинальных ареалах, они сохраняют черты, присущие древним тюркским языкам. Конфигурация распространения тюркских языков свидетельствует о том, что в прошлом их территория была более компактной. Постепенное расширение этого ареала привело к перестройке всей конфигурации тюркоязычного ареала, с созданием в разных его частях своих центров. Сибирский тюркоязычный ареал стал одним из таких центров. Сибирские тюркские языки образуют особую «лингвистическую территорию», противопоставленную центральному тюркскому ареалу. Эта территория включает подковообразный ландшафт юга Сибири, размытый «кружевной» ареал Западной Сибири и островной якутский ареал, по отношению к которому вторичный островной ареал образует долганский язык.

Широбокова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; shirobokova_nn@mail.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© Н. Н. Широбокова, 2015

Центр общетюркского ареала занимают главным образом кыпчакские языки. Они обнаруживают многочисленные контакты с периферийными тюркскими языками, в том числе и сибирскими – в кыпчакскую группу в классификации А. М. Щербака попадает алтайский язык и, важный для понимания истории сибирских тюркских языков, киргизский.

Сибирские тюркские языки в классификации А. М. Щербака попадают в четыре классификационные группы: диалекты южных алтайцев отнесены в кыпчакскую группу. Тувинский, тофаларский, уйгуро-урянской – в урянхайскую, особую группу образуют якутский с долганским, северные диалекты алтайского языка, сарыг-югурский, хакасский, чулымско-тюркский, шорский составляют смешанную группу [Щербак, 1994, с. 27–42].

В последние годы в российской тюркологии появились работы, в которых изучение истории развития тюркских языков, в том числе и уточнение взаимоотношения тюркских языков между собой, получило новое развитие. Результаты исследований в этой области отражены в ряде фундаментальных работ, среди которых серия «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (далее СИГТЯ) [1984; 1988; 2001; 2002; 2006]. Путь развития тюркских языков в них представлен в виде общетюркского древа [СИГТЯ, 2006, с. 770–771]. Отношения внутри тюркских подгрупп тоже строятся по принципу дивергентного развития.

Предложенные схемы построены с применением новых методов, методика глоттохронологии применяется уже не только к лексике, но и к фонетике и морфологии, распад праязыка на отдельные ветви и дальнейшее их деление получает не только относительную, но и абсолютную хронологию.

Сибирские тюркские языки составляют особые группы во всех предложенных схемах [СИГТЯ, 2002, с. 730–734; СИГТЯ, 2006, с. 770–771; Мудрак, 2009].

В СИГТЯ вводится обозначение «сибирские тюркские языки», это название дается в кавычках, как не соответствующее принятым в настоящее время группировкам языков [СИГТЯ, 2006, с. 769].

Схемы, отражающие динамику распада тюркских языков, отличаются в зависимости от материала, на базе которого они строятся, что вполне объяснимо, так как в предложенных схемах представлены не только дивергентные процессы, что заложено в саму методику, но и результаты конвергентных процессов, которые приводят к смене в языках некоторых признаков, используемых в классификациях. Схемы, представляющие распад тюркского праязыка, основывающиеся на двух лексических списках, и схема, построенная на фонетическом и морфологическом материале, отличаются тем, что в глоттохронологическом древе тюркских языков по отредактированным спискам лексики сибирские языки, кроме якутского и саянских, которые возводятся непосредственно к общетюркскому, выделяются из общности, названной авторами «центральной», в свою очередь восходящей к общетюркскому состоянию [Там же, с. 770–771]. В состав сибирской группы включены: сарыг-югурский, хакасский, шорский, лебединский, кумандинский, ойротский, туба. В другой схеме, опирающейся на анализ фонетического и морфологического материала, состав сибирской группы отличается: тувинский, тофский, якутский; кумандинский, чалканский, алтайский (ойротский), туба; киргизский; хакасский, шорский, чулымский, сарыг-югурский [СИГТЯ, 2002, с. 733].

Включение киргизского языка в группу сибирских в классификации, опирающейся на фонетический и морфологический материал, возвращает к вопросу об отношении современного киргизского языка к языку енисейских кыргызов, о роли последних в формировании современного киргизского языка. Вопрос о формировании киргизского языка остается не до конца ясным и в настоящее время, но участие в этом процессе народов Саяно-Алтая хорошо прослеживается

на языковом материале. Это и лексемы, проникшие в киргизский язык вероятнее всего из языка енисейских тюрок: кирг. *куну* 'россомаха', ср. хак. *хуну* и шор. *кунучак*, на территории современной Киргизии россомахи не водятся [Щербак, 1961, с. 140–141], кирг. *чөө* 'красный волк, шакал', тоф. *џо* 'годовалая лисица' [Рассадин, 1971, с. 232]. У челканцев бубен во время камлания назывался *пагыс*, это старое название лося, оно сохранилось у киргизов в форме *багыш*, хотя в Киргизии лоси не водятся [Потапов, 1978]. Связывают киргизский язык с языками Сибири и грамматические формы [Убрятова, 2011].

Э. Р. Тенишев, исследуя историю происхождения киргизов и их языка, пришел к выводу, что язык древних (енисейских) киргизов принял большое участие в формировании современного киргизского языка и, следовательно, «древнекиргизский этнос вошел в состав этноса Тянь-Шаньских киргизов и определил его тип». Древний народно-разговорный язык киргизов был *z*-языком, этот признак сохранился в хакасском, мрасском диалекте шорского, средне-чулымском, в сарыг-югурском и языке киргизов Фууй [Тенишев, 2006, с. 71]. Фууйские киргизы – это осколок енисейских киргизов, они отделились от основной группы киргизов во второй половине XII в. Сохранившийся в преданиях фууйских киргизов топоним Алтай, который понимается ими как прародина, истолковывается Э. Р. Тенишевым как название местности Алтай на крайнем востоке Хакассии, юго-восточнее Абакана. Там сейчас проживают качинцы и койбалы. На основании данных этого языка можно судить о языке енисейских киргизов XVI–XVII вв.

Кыргызский язык, взаимодействуя с языками разных племен, образовал хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакасского языка язык енисейских киргизов участвовал в формировании языка чулымских тюрок. Язык фууйских киргизов обнаруживает близость с шорским языком и языком сарыг-уйгуров. Генетические связи существуют между языком лобнорцев и северными (более архаичными) говорами киргизского языка [Тенишев, 1997, с. 456].

О языке лобнорцев С. Е. Малов писал, что язык желтых уйгуров и лобнорцев можно объединить, приняв во внимание многие внешние условия этих народов, которые и наложили на их язык свои черты. Это два древних языка, а язык лобнорцев есть древний разговорный язык древних киргизов, но уже утративший *z*-признак [Малов, 1957].

Современный киргизский язык сохранил в большей степени морфологические признаки, связывающие его с сибирскими языками, тогда как некоторые важные фонетические и лексические маркеры, такие как *z* в соответствии *d~t~z~r~j* были утрачены во время пребывания енисейских киргизов в Джунгарии в результате взаимодействия с кыпчакскими и другими тюркоязычными племенами. Тогда же в результате тесных контактов с предками южных алтайцев у них сформировались общие особенности формирования губной гармонии у широких гласных.

Киргизский язык – яркий пример того, что языки не могут быть возведены последовательно к одному исходному варианту, многочисленные контакты с языками родственными и неродственными приводят к проникновению в язык форм, сложившихся в других языках и диалектах, при значительном количестве таких инноваций может измениться и место языка в классификационных схемах.

Языки сибирской группы, кроме черт, унаследованных от более раннего состояния, в результате длительного существования на контактной территории, сформировали систему общих инноваций на уровне форм, процессов или тенденций. Если проанализировать изоглоссы инновационных грамматических форм, которые охватывают сибирские языки, то их можно предварительно разделить на группы: 1) изоглоссы, охватывающие все языки Сибири + киргизский; 2) изо-

гlossы, охватывающие южносибирские языки + киргизский; 3) южносибирские языки + кыпчакские языки.

В области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на *-а илик ~ -галак*, которое присутствует в якутском, хакасском, шорском, чувлымско-тюркском, тувинском, алтайском, в барабинском диалекте сибирских татар и за пределами Сибири в языках, исторически с Сибирью тесно связанных, – киргизском и в языке фууйских кыргызов.

Из современных сибирских языков не знает этой формы тофаларский, но, по данным М. А. Кастрена, полученным тем в 1847 г., эта форма в языке карагасов присутствовала. Проведенное В. И. Рассадиным исследование показало, что тофаларский эту форму утратил [Рассадин, 1978, с. 275].

Особенности ее семантической структуры – это значение еще не совершившегося действия. В диалектах сибирских татар она употребляется в барабинском диалекте, но уже как связанная причастно-падежная форма на *-галак-та*. По употреблению она близка к деепричастию на *-ган-чы*, сочетанию *-мас борон* и передает действие, предшествующее основному действию: *Узуын петергэлэктэ иргэ гитте* ‘Вышла замуж, не окончив учебы’. Эта же форма стала базой для формирования будущего ожидаемого действия, выражая близкие к моменту совершения, но еще не совершившиеся действия: *Мин амылтан киткэлэктен* ‘Я еще не уехал из деревни’.

Ф. Ю. Юсупов центром ареала форм на *-галак* считает тувинский, алтайский, хакасский языки, дальше изоглосса охватывает якутский и киргизский языки. Барабинский диалект образует зону вибрации. На границе тоболо-иртышского диалекта изоглосса затухает [Юсупов, 1985, с. 83].

Первый компонент в южносибирских языках оформляется формой на *-гу* (причастием уйгурского происхождения); частица сливается с предшествующим причастием, это уже не аналитическая форма, это синтетическая, стянувшаяся форма с семантикой «действие еще не произошло, но вот-вот произойдет». Семантика еще не совершившегося действия, ожидания совершения действия по разным языкам разная: в тувинском языке это практически ближайшее будущее, в алтайском – значение ближе к прошедшему времени, при попытках заменить его другой формой используется показатель на *-баан*, т. е. отрицательная форма перфекта.

Якутский и киргизский языки имеют полную аналогию в структуре формы, только в киргизском и якутском эта форма сохраняется как аналитическая (в киргизском она может образовывать и синтетические варианты) и только в киргизском и якутском первый компонент, семантический глагол, оформляется показателем на *-а (+ илик/елек)*. В киргизском языке это форма определяется как сложное причастие, которое может выполнять обстоятельственные, определительные функции и выступать в роли конечного сказуемого. *Айдар жаза элек* ‘Айдар ещё не написал’ [Грамматика киргизского литературного языка, с. 987].

В якутском это широко употребляемая форма, сохраняющая специфическую семантику: «действие еще не произошло + действие должно произойти». Первый компонент конструкции – аффикс, оформляющий глагольную форму в тюркологических работах, объясняется как деепричастие на *-а* в якутском и киргизском языках или *-гу* в южносибирских языках [Щербак, 1981, с. 178].

Е. И. Коркина, анализируя эту форму, указывает на широту ее функций в современном якутском языке, в сочетании с деепричастием на *-а/-ыы*, она может выступать в функции любого члена предложения, образует наклонение еще не совершившегося действия, может выступать в функции сказуемого в диалогической речи в одиночном виде: – *Аһыы иликкин дуо?* – ‘Ты ещё не ел?’ – *Иликпин* ‘Ещё нет’ [Коркина, 1970, с. 245].

Форма с такой же структурой и семантикой есть в монгольских языках.

В монгольских языках есть причастие, которое Ал. Бобровников назвал причастие настоящее прошедшее неоконченное [Бобровников, 1849, с. 136–137], в современных монгольских грамматиках его называют причастием настоящего времени. Отмечено это причастие и в памятнике XVII в. – в летописи «Алтан тобчи» («Золотой свод»), написанной монахом Лувсан Данзаном. Хотя сама рукопись относится к XVII в., исследователи монголоведы пришли к выводу, что автор имел в своем распоряжении древние монгольские тексты, возможно и не сохранившийся текст Сокровенного сказания, написанный на уйгуро-монгольском алфавите, но именно такой текст использовался для фонетической записи Сокровенного сказания китайскими иероглифами [Орловская, 1984, с. 15]. М. Н. Орловская выделяет в языке этого памятника причастия на *-y-a/-d-e*, которое часто употребляется с отрицательной постпозитивной частицей *dui/edui/edükii*.

В таких случаях причастие обозначает, что действие еще не произошло, но его совершение ожидается. Эта отрицательная форма нередко употребляется и в обстоятельственной функции. Она обозначает:

- а) действие, не совершившееся в прошлом;
- б) еще не совершившееся, но ожидаемое;
- в) ожидаемое, но прерванное каким-либо другим действием;

г) еще не совершившееся в какой-то момент прошлого, когда уже имело место другое действие.

Это отрицательное причастие может выступать и в определительной функции. Оно характеризует предмет с точки зрения действия, которое еще не произошло, но должно произойти.

Эта форма причастия настоящего времени с отрицательными частицами *-гуй*, *-дуй* употребляется в современном монгольском и бурятском языках, в калмыцком вместо причастия настоящего времени употребляется разделительное деепричастие с частицей *уга* ‘не’: *болад уга хот* ‘пища, которая еще не сварилась’.

Г. Д. Санжеев называет эти частицы именем-отрицанием. В ходе исторического развития монгольских языков препозиционные отрицательные частицы *есе* начали постепенно заменяться именами-отрицаниями. Причем причастие настоящего времени с отрицанием выражает такое ожидаемое действие, которое еще не совершилось [Санжеев, 1964, с. 85].

Наличие форм, совпадающих по структуре и специфической семантике в контактных языковых ареалах, не может быть случайным.

Ареал формы на *-галак* размывается на периферии, в центре ареала возникают инновационные преобразования. Якутский не затрагивается ни тем ни другим процессом.

Вторая форма, которая присуща всем сибирским тюркским языкам, а за пределами Сибири киргизскому и языку фуюйских кыргызов, это синтаксическая конструкция, где переходный глагол с показателем каузатива, обычно на *-тыр*, образует пассивную конструкцию при дательном падеже субъекта. Пример: тув. *Мен ыяш-ка бас-тыр-ган мен* ‘Я придавлен деревом’ (букв. ‘Я дереву заставил (себя) придавить’). Такие примеры есть в алтайском, якутском и хакасском языках. Як. *Атах-нын ык-ка ытыр-тар-д-ым* ‘Собака укусила мне ногу’ (букв. ‘Я собаку заставил/позволил укусить мою ногу’); тоф. *Он неш-ке баъс-ырт-кан* ‘Он придавлен деревом’; хак. *Ол агас-ха пас-тыр сал-ган* ‘Он придавлен деревом’. За пределами Сибири ее можно найти в языке фуюйских кыргызов и в киргизском: кирг. *Врач-ка укол сай-дыр-д-ым* ‘Врач сделал мне укол’ [Грамматика киргизского литературного языка, 1987, с. 252].

В бурятском языке каузатив при переходном глаголе может выражать страдательные отношения в рамках такой же конструкции – с дательным падежом субъекта: *Модондо сохоюлжа үхөө бэлэй* ‘Он был на смерть раздавлен деревом’ (букв. ‘умер, позволив дереву ударить себя’) [Санжеев, 1941, с. 63].

Пассивная конструкция с каузативом в тунгусо-маньчжурских языках описана И. В. Кормушиным.

Большинство других признаков, объединяющих сибирские языки, включают южносибирские языки, но не включают якутский язык. Например, форма принадлежности 2 лица, множественного числа. Если во всех тюркских языках это *-ңыз*, где *-ң* – показатель принадлежности, *-з* – форма множественного числа, то в сибирских тюркских языках, кроме якутского, показатель множественности будет заменен на более универсальную, позднюю форму *-лар*. Эта же конструкция есть в киргизском, встречается в диалектах казахского, т. е. выходит за пределы сибирской зоны.

Есть признаки, маркирующие все сибирские языки (*-а илик...*), есть признаки, маркирующие все южносибирские языки (*-гы деп...*), некоторые из которых имеют параллели в киргизском языке [Убрятова, 2011, с. 58–67].

Выделяется третья волна тюркизации: под этим влиянием северные алтайцы, шорцы, хакасы переструктурировали глагольную систему, для которой стало свойственно не только активное введение во временное поле аспектуальных конструкций как базы для новых временных форм, но и высокая степень их стяжения. Тувинский язык знает эти конструкции, но они не стягиваются; якутский язык знает большую часть этих конструкций, но они остаются на периферии глагольной системы и не стягиваются. Ареал этих форм уходит в кыпчакский мир: казахский, ногайский, каракалпакский, диалекты узбекского, т. е. подключается вся центральная зона и карлукские языки.

В Сибири по историческим данным выделяются три типа древних тюркских языков: орхонский, уйгурский и киргизский. Орхонский тип представлен в достаточном большом количестве – это язык больших памятников Западной Монголии, енисейских памятников. В последнее время большое количество (около ста) памятников найдено на Алтае, правда, это короткие надписи. Между енисейскими и алтайскими языками есть определенная разница в конфигурации надписей, даже в составе букв, а также в некоторых особенностях их размещения: если большинство енисейских надписей делается на искусственных объектах, на специальных столпах (для этого используются характерные для культуры этих территорий каменные стелы разного происхождения), то для Алтая наиболее характерными оказались наскальные надписи [Тыбыкова и др., 2012].

Тем не менее это следы одной и той же письменной культуры (существует и другая точка зрения), это письменность VIII–XII вв., которая активно использовалась на территории Сибири. К сожалению, как языковой памятник эта письменность нам дает характеристику в основном по языку орхонских тюрков. (Это как если бы мы получили от средневековой Европы все памятники только на латыни.) Это было степное койне, унифицированный наддиалектный вариант языка империи голубых тюрков, который использовался и другими, в том числе и прямыми врагами голубых тюрков, например уйгурами и киргизами.

Разница между уйгурским и орхонским языками устанавливается в основном на материале памятников, написанных на другой графике и на другой территории – в восточном Туркестане.

Археологи выделяют и на территории Алтая, и на территории Тувы, и на территории Хакасии где-то в X–XI вв. разные варианты культур, которые, по их мнению, связаны с киргизами. По сведениям китайских авторов курыкане (предки якутов) и туба (предки, очевидно, тувинцев и тофов) были в определенное время в зависимости от киргизов. Хакасы – это сейчас в основном доказано – их потомки. Киргизы со своей территории уходили, по крайней мере, два раза большими потоками. В первый раз после X–XI вв., когда киргизский каганат терпит поражение от киданей и, очевидно, под давлением киданей часть киргизов уходит. Их конечная остановка – Тянь-Шань. Время их прохождения от Енисея, Мину-

синской котловины до Тянь-Шанья насчитывается столетиями. Они идут через Джунгарию (северная часть Восточного Туркестана), оставляя следы: на территории современного восточного Китая и Восточного Туркестана, где остались небольшие группы, которые в разной степени оказываются связаны с древними кыргызами: фуюйские кыргызы в Маньчжурии – небольшая группа кыргызов, пришедших с Алтая, т. е. с небольшой территории современной восточной Хакасии; группа желтых уйгуров; группа лобнорцев, живших около озера Лоб-Нор, которых исследовавший в начале XX в. Восточный Туркестан С. Е. Малов назвал группой, оставшейся от древних кыргызов. Таким образом, кыргызы шли, оставляя за собой следы – группы языков, которые с ними исторически связаны.

Внешняя яркая примета общности – это з-языки. По одной из классификационных примет тюркские языки делятся на з-языки, т-языки, д-языки, й-языки и р-языки, поскольку в ряде лексем идет фонетическое соответствие между *й*, *т*, *д*, *з*, *р*. Якутский язык является т-языком (*атах* ‘нога’, *хатын* ‘береза’), тувинский – д-язык (до современной лексемы *бут* ‘нога’ использовалась *адак*; *кодан* ‘заяц’), хакасский – это з-язык (*азах* ‘нога’, *козан* ‘заяц’), алтайцы – й-язык (*айак* ‘нога’, *койон* ‘заяц’). Тянь-шаньские кыргызы не обладают з-признаком, как их предки, они его утратили. Длительная остановка где-то рядом с предками южных алтайцев (алтай-кижи, теленгитов, телеутов) привела к выработке ряда общих черт, таких как развитая губная гармония, возможность употребления широких губных не в первом слоге и, возможно, й-признак. Утрата исходного типа происходила постепенно по мере продвижения кыргызов в новом этническом окружении при контакте с другими тюркскими этносами. Таким образом, образовались такие промежуточные исторические состояния, когда какие-то признаки утрачиваются, а какие-то приобретаются. Эта смена языкового типа характерна для Сибири вообще. Языки орхонский и уйгурский оставили следы своего воздействия на сибирские языки. Для тувинцев доказано, что уйгурский тип лежит в базе тувинского языкового типа. Якуты сохранили орхонский тип в достаточно высокой степени чистоты (есть и другая точка зрения: об уйгурской основе якутского языка), хотя получили целый ряд форм из кыргызского языка, но это было просто заимствованием – они не привели к сдвигу ни фонетической, ни глагольной систем, став в них просто добавочными элементами. А что касается Южной Сибири, то тут складываются другие отношения.

Сейчас собственно уйгурского типа в Сибири нет. На уйгурский тип в Сибири указывает тувинская фонетика, которая имеет параллели в желто-уйгурском по характеру оппозиции у согласных. Грамматическая система оказалась перекрыта системой другого типа. Г. Ф. Благова выделила четыре типа падежных систем тюркских языков, включая системы, присущие отдельным языкам (чувашская и якутская). Остальные языки раскладываются по следующим языковым типам: огузская, кыпчакская, карлукская. В Сибири представлена уйгуро-кыпчакская (тувинский язык) и переходная шорско-хакасская (она тоже уйгуро-кыпчакская, но со сдвигом в кыпчакскую сторону). Нет чистых типов, т. е. старая уйгурская основа перекрыта другим типом, образовались смешанные типы по характеру отношения между безличной и лично-притяжательными парадигмами. Старая глагольная база перекрыта кыпчакской глагольной базой: вместо перфекта на *-mīš*, который маркирует огузский и древнетюркский тип, перфект на *-gan* – тут может быть и киргизское влияние. Но потом появляется еще один, третий источник тюркизации, за пределами влияния которого оказывается тувинский язык, который уже не испытывает той перестройки, которую испытывают северные алтайцы, шорцы и хакасы.

В итоге получается, что южносибирские языки составляют многослойную конструкцию, в базе которой лежит уйгуро-орхонский тип, который явственно сохраняется в якутском, а в тувинском присутствует уже в размытом виде (нали-

чие частиц *эртик* и *ийик*). Этот уйгуро-орхонский тип перекрыт киргизским типом, который приносит смешанную падежную парадигму. Отмечается и более раннее киргизское влияние, которое приносит на всю территории Сибири (включая Якутию) причастные формы *-кчы*, *-оотчу* и др. Южносибирский тип, имеющий параллели в киргизском, казахском и др., – это смена личных показателей во втором лице множественного числа, когда показатель *-з* меняется на *-лар*. А некоторые сибирские языки начинают добавлять показатели множественного числа два раза и появляется *-лар-ын-лар*.

Таким образом, Южная Сибирь меняла тип от языков типа уйгурского, под мощным влиянием киргизского типа, захватившего всю Сибирь и якутов, которые еще не ушли на север, а находятся в Прибайкалье и получают тот же набор причастных форм от киргизов (не позже X в.). Потом вторичная киргизская волна, но уже несколько иная, которая приносит формы типа *-нлар* вместо *-ныз*. И четвертая волна, которая приносит развитую аналитику, тенденцию к стяжению аналитических конструкций и образование на ее базе новых временных синтетических показателей. Это волна уже не затрагивает якутов, якуты уже ушли дальше на север на среднюю Лену. Она в меньшей степени задевает тувинцев, те имеют аналитические конструкции, но они не стягиваются: они знают стяжение (например, форма на *-ыс*, которая становится показателем вида), но не используют эту модель при образовании новых глагольных форм.

Получается, что первая волна – общесибирская, связанная с голубыми тюрками и, особенно, с уйгурами. Вторая волна является киргизской. Третья – уйгуро-киргизского типа, связь с уйгурами этой волны подтверждается самоназванием и некоторыми особенностями языка, историки также связывают становление желтых уйгуров с переселением уйгуров после их поражения от киргизов. Э. Р. Тенишев включает его в базу для реконструкции пракиргизского, убирая собственно киргизский, который уже перестроил тип и для реконструкции праязыкового состояния не годится. Язык желтых уйгуров, лобнорцев, фуйюйцев, хакасский, шорский, среднечулымский языки – это та база, на которой им делается попытка реконструкции киргизского праязыка. Последняя волна, кыпчакская, связывает языки Южной Сибири с кыпчакскими, ее влияние идет с запада и охватывает Южную Сибирь.

Таким образом, тюркские языки Южной Сибири по крайней мере два-три раза базовые признаки своего языкового типа, еще в большей степени это касается киргизского языка, который за время движения по Восточному Туркестану вошел в другую классификационную группу тюркских языков – кыпчакскую.

Список литературы

- Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
Бородина М. А. Проблема лингвистического пространства в связи с изучением диалектов и их атласированием // Советская тюркология. 1983. № 4.
Грамматика киргизского литературного языка. Ч. 1. Фрунзе, 1987.
Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970.
Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009.
Орловская М. Н. Язык «Атан Тобчи». М., 1984.
Потапов Л. П. К проблеме ареальных исследований этнографии народов Сибири // Народы и языки Сибири: Ареальные исследования. М.: Наука, 1978.
Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

- Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Санжеев Г. Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М., 1941.
- Санжеев Г. Д.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- СИГТЯ, 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
- СИГТЯ, 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- СИГТЯ, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- СИГТЯ, 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
- СИГТЯ, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- Тенишев Э. Р.* Фууюйских кыргызов язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997. С. 455–459.
- Тенишев Э. Р.* О языке кыргызов уезда Фууй (КНР) // Тенишев Э. Р. Избр. тр. Ч. 2. Уфа, 2006.
- Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012.
- Убрятова Е. И.* Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // Убрятова Е. И. Избр. тр. Новосибирск, 2011.
- Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тунгусо-маньчжурских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.
- Щербак А. М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.
- Юсупов Ф. Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985.

N. N. Shirobokova

**On the change of a classificatory type
(based on the Turkic languages of South Siberia)**

The classificatory schemes, reflecting the disintegration dynamics of the Turkic languages, differ depending on the material around which they are built. One of the reasons for such a difference is the fact that reflected in these schemes are not only divergent processes, what is built into the very methodology of building a genealogical tree, but also the results of later language contacts that lead to changes of a number of parameters taken into account in the classifications and form a number of common forms for the contact zones. Serving as an example of such an influence of the language confusion on the place of one or another language in the classifications can be the Turkic languages of Siberia and their relation with the Kirghiz language.

Keywords: Siberian languages, Kirghiz language, language contacts, classification of Turkic languages, classificatory marker.

DOI 10.17223/18137083/53/26